

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

МОСКОВСКИХ ОКОН НЕГАСИМЫЙ СВЕТ: КОММУНИКАЦИОННЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ГРАЖДАНСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В РАЙОНАХ МОСКВЫ

Всеволод Дмитриевич Бедерсон (vsbederson@gmail.com)

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

Цитирование: Бедерсон В.Д. (2022) Московских окон негасимый свет: коммуникационные и организационные факторы гражданской и политической активности в районах Москвы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(2): 158–175. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.7>

Аннотация. Представлены результаты качественного исследования гражданской и политической активности на районном уровне в современной Москве. Исследование основывается на теоретическом ожидании о наличии районной вариации в организационных формах, формах коммуникации и интенсивности гражданской и политической мобилизации в московских районах/муниципалитетах. Исследовательские вопросы, на которые старается ответить статья, — какую роль играют коммуникативные факторы, а также какое место занимают организационные факторы (оргструктуры и мобилизация ресурсов) в районной гражданской и политической активности? Как московские районы различаются между собой на основе этих факторов? Ключевые материалы исследования — 17 полуструктурированных интервью с районными гражданскими и политическими активистами, муниципальными депутатами и представителями некоммерческих организаций или низовых гражданских объединений. Исследование показывает, что Москва на уровне своих районов и районных сообществ — полития, к которой применимы те теоретические модели, которыми оперирует политическая наука. Гражданская активность, интенсивность и плотность горизонтального общения и взаимодействий предельно связаны с организационными структурами: последние снижают транзакционные издержки, издержки на вход в коллективное действие, повышают доверие и т.д. Также отмечается, что, по оценкам респондентов, плотность активистского сообщества в целом примерно одинакова по всем районам. В одних районах активность концентрируется на решении малых и часто неполитических вопросов, в других — малые проблемы являются трамплином для политизации и борьбы за депутатские мандаты в муниципальном совете или иных форм политического влияния через местный уровень власти.

Ключевые слова: гражданский активизм, выборы, Москва, организационный анализ.

Постановка проблемы

Современная Москва — сложное политическое образование: в ней одновременно располагаются и действуют национальные (федеральные), региональные и местные политические институты. Все это дополняется тем, что Москва не просто столичный город, но и крупнейший российский мегаполис, сочетающий в себе все связанные с этим привилегии и проблемы. Москвичи выделяются своей гражданской и политической активностью, исследования ожидаемо отдают Москве первое место по количеству протестных событий (Семенов 2019). При этом Москва — это еще и довольно уникальная для современной России система районных или соседских сообществ, чьи границы одновременно являются границами и административными, и сообществ. Исследователи также указывают на свойственную москвичам районную идентичность (Вендина 2015). Но в чем выражается активность жителей современной Москвы в пределах своих районов-сообществ и в что способствует этой активности?

Соседская активность и коллективные действия по поводу своего локалитета, с одной стороны, в научной литературе оцениваются скептически, с другой стороны, отмечается распространенность NIMBY-мобилизации. Исследования объединения жильцов по коммунальным вопросам показывают, что эффективными коллективными структурами становятся те ТСЖ или советы домов, в которых жильцы обладают по умолчанию высоким уровнем социального капитала и доверия, готовности договариваться и сотрудничать с соседями, но наравне с этим соседские объединения часто могут быть площадками производства конфликтов и социальной дезинтеграции (Полищук и др. 2010). Типичная для современной России комплексная микрорайонная многоэтажная застройка в литературе также оценивается скептически — как пример сочетания высокой плотности расселения, но отсутствия устойчивых и гармоничных социальных взаимодействий (Богданова 2021), а также как пример отложенного строительства социальных контактов и организованностей (Тыканова, Тенишева 2020). Последние исследования этой темы в целом скорее склонны позитивно оценивать соседские взаимодействия в крупных жилищных комплексах: там обнаруживают себя эффективные гибридные (онлайн-офлайн) способы коммуникации и выработки коллективных решений, горизонтального некоммерческого обмена, совместного досуга, заботы или даже производства общественных благ (Чернышева, Гизатуллина 2021).

Я придерживаюсь позиции, что одну из ключевых ролей в гражданской и политической мобилизации, в формировании и эффективности

коллективных действий играют организационные структуры — устойчивые и регулярные взаимодействия людей по поводу определенной цели. В целом такая аналитическая традиция восходит к аргументу А. де Токвиля, который, характеризуя демократию в современной ему Американской республике, отметил важнейшую роль гражданских объединений и ассоциаций, выступающих противовесами государственной власти и защитой от монополизации власти. Сегодня уже не менее классическое исследование Р. Патнэма о демократии в Италии также показывало важную роль низовых гражданских ассоциаций в более высоком уровне гражданской активности жителей Северной Италии, большей респонсивности органов власти и конкурентности политического процесса (Патнэм 1996). Теоретики структуры политических возможностей и политического процесса на обширных исторических материалах также указывали на то, какую роль играют организационные структуры и организаторский опыт активистов в социальных движениях и политических изменениях: профсоюзы, экологические движения, гражданские ассоциации меньшинств и др. (McCarthy, Zald 1977; McAdam et al. 1996; Shorter, Tilly 1971; Snyder 1975; Snyder, Kelly 1976; Tilly 1978). Р. Сэмсон и его соавторы спорили с пессимизмом Р. Патнэма (Putnam 2000) о выхолащивании гражданского духа в современной Америке и показывали, что гражданская и политическая активность американцев не снижается, но меняет свои формы и практики, основываясь все также на низовых организационных структурах: от досуговых и соседско-коммунальных объединений до ассоциаций в защиту своих прав и ценностей (Sampson et al. 2005).

Подобные исследования на российском материале в целом тоже фиксируют важную роль организационных структур для гражданско-политической мобилизации или любых других коллективных действий вне политического целеполагания. Исследования начала и середины 2000-х годов показывали, что преодоление постсоветской социальной аномии и объединение для совместной гражданской активности хоть и дается россиянам с трудом, но все же бывает возможным, особенно когда нарушается рутинная и повседневная жизнь и среда гражданина. К. Клеман и соавторы удачно назвали эту динамику «от обывателя — к активисту»: российские граждане способны выражать свою гражданскую и политическую позицию публично, в конфликте с властью тогда, когда дело касается, как правило, защиты своих частных или групповых благ и ресурсов (Клеман и др. 2010). Исследователи также показали, что коллективные действия случаются и бывают более успешными там, где их возникновению предшествует плотность социальных взаимодействий и когда люди способны вступать в коалиции с профессиональными общественными

организациями. Клеман и соавторы отмечают, что важной вехой в пост-совесткой истории гражданской самоорганизации стали протесты против монетизации льгот, в литературе также отмечается значимость коллективной мобилизации, вызванной борьбой с лесными пожарами в Сибири и Поволжье летом 2010 г. Отдельные исследования показали, что противопожарная активность стала первой масштабной, поистине гражданской активностью, в которой люди объединялись для защиты не своего частного или группового интереса, а общественного (Аверкиев и др. 2010; Усачева 2012; Пономарев 2013). Наконец, в 2011–2012 гг. весь накопленный гражданский активистский опыт канализировался в политическую активность и протестное движение, оспаривающее результаты выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г.

Движение «За честные выборы!» формировалось из более мелких гражданских объединений, среди которых самыми важными для появления протестов с оспариванием результатов нечестных выборов были наблюдательские ассоциации (Политика аполитичных 2014). Само движение «За честные выборы!» также стало источником для появления новых гражданских и политических объединений: волонтерских ассоциаций, новых организаций наблюдателей, политических партий (на фоне либерализации законодательства о политических партиях). Я.М. Доллбаум, изучавший особенности политического движения Алексея Навального и вовлеченных в него активистов, отмечает, что опыт участия в протестах 2011–2012 гг. для многих политических активистов в регионах России стал шлюзом в публичную политику (Dollbaum 2020). Исследователи отмечают, что протестная активность в регионах России в 2010-е годы основывается на устойчивых организационных структурах, которую представляют отделения КИПРФ или других оппозиционных партий (Reuter, Robertson 2015). Справедливо и обратное: А. Семенов показал, что низовые и внеорганизационные протестные активности составляют меньшую часть всего мобилизационного массива (Семенов 2019). П. Крикунов и С. Шкель на материалах протестной активности в Башкортостане подтверждают мысль о связи низкой мобилизации со слабостью организационного фактора в регионе (Крикунов, Шкель 2018). Л. Генри во множестве статей показывает, что активность и эффективность экологических движений и НКО в регионах России плотно связаны с их организационной устойчивостью (Henry 2011). При этом известно, что НКО крайне редко участвуют в протестах или тем более организуют их (Бедерсон, Логинов 2020), но зато образуют плотность организационной среды, из которой появляются гражданские и политические инициативы.

Исследовательский вопрос, теоретические ожидания и данные

В настоящей статье я изучаю современное состояние низовой политической жизни в Москве. Я сосредоточиваюсь на районном уровне и в целом утверждаю, что мы вправе говорить о районной вариации гражданско-политической активности москвичей. Я также полагаю, что важную роль в интенсивности общественной жизни в Москве играет организационный фактор, а также коммуникационные особенности районных сообществ. Исследовательские вопросы, на который я стараюсь ответить в статье, — какую роль играют коммуникативные факторы, а также какое место занимают организационные факторы (оргструктуры и мобилизация ресурсов) в районной гражданской и политической активности? Как московские районы различаются между собой на основе этих факторов?

Ключевыми данными исследования выступают материалы полуструктурированных интервью с активистами в шести районах Москвы. Принцип отбора районов был следующий. Изначальная идея заключалась в том, чтобы отобрать для сравнения районы, различающиеся по структурным характеристикам, а также по уровню мобилизации и коллективных действий. По первому направлению произошел отбор районов по стоимости жилья: районы Москвы были поделены на «богатые» и «бедные». По уровню мобилизации и распространенности коллективных действий я опирался на данные опроса «Левада-Центра», который был проведен в сентябре 2020 г. по заказу в рамках моего исследовательского проекта. Репрезентативный опрос «Левада-Центра» проводился в 30 районах Москвы и был посвящен изучению интенсивности мобилизации в районах и распространенности различных типов коллективных действий среди москвичей в этих районах. Таким образом, по этому направлению я разделил районы на более и менее активные. В итоге по обоим направлениям я получил следующую матрицу и отобрал по два района в каждой ячейке (табл. 1).

Таблица 1

Принцип отбора районов для проведения интервью (в скобках указано количество интервью с представителями этих районов)

		Коллективные действия и мобилизация	
		Более активные	Менее активные
Структурные условия	Богатые	Гагаринский (2) Щукино (4)	Раменки (4) Донской (2)
	Бедные	Печатники (2) Люблино	Косино-Ухтомский (3) Южное Бутово

Я собирался сделать интервью с представителями всех восьми районов, но по объективным причинам и в соответствии с внутренними ресурсами в двух районах не получилось сделать ни одного интервью. В последующем анализе я не буду брать их в расчет. Всего проведено 17 полуструктурированных интервью с представителями районов. Мои информанты — это районные гражданские и политические активисты, муниципальные депутаты и представители некоммерческих организаций или низовых гражданских объединений. Все интервью сделаны на принципах анонимности, поэтому в дальнейшем при цитировании будет указываться только условное обозначение информанта (табл. 2).

Таблица 2

Данные об информантах

Район	Информант (условное обозначение)	Статус
Гагаринский	Инф. Т	Муниципальный депутат, мужчина
Гагаринский	Инф. G	Руководитель НКО, женщина
Щукино	Инф. T2	Муниципальный депутат, мужчина
Щукино	Инф. V	Гражданский активист, помощник депутата, женщина
Щукино	Инф. М	Бывший муниципальный депутат, мужчина
Щукино	Инф. А	Гражданский активист, мужчина
Раменки	Инф. G2	Муниципальный депутат, мужчина
Раменки	Инф. К	Политический активист, мужчина
Раменки	Инф. S	Муниципальный депутат, женщина
Раменки	Инф. О	Лидер общественного движения, женщина
Печатники	Инф. V2	Муниципальный депутат, мужчина
Печатники	Инф. М	Гражданский активист, женщина
Донской	Инф. Z	Муниципальный депутат, мужчина
Донской	Инф. R	Гражданский активист, мужчина
Косино-Ухтомский	Инф. M2	Гражданский активист, помощник депутата, мужчина
Косино-Ухтомский	Инф. G3	Гражданский активист, помощник депутата, женщина
Косино-Ухтомский	Инф. L	Политический активист, мужчина

В интервью я говорил с информантами об их оценке гражданско-политической активности жителей района, о ключевых темах, вызывающих мобилизацию и коллективные действия, об особенностях коммуникации между активистами и жителями, о взаимодействиях с политиками и политическими организациями, а также об участии в политическом процессе (в выборах). В интервью с представителями НКО или общественных движений я также говорил о структурных и внутриорганизационных особенностях объединений.

Мое теоретическое ожидание касается того, что мы должны наблюдать районную вариацию по структурным характеристикам — в темах, вызывающих мобилизацию и коллективные действия, и в особенностях коммуникации между активистами и жителями районов. Организационные и политические особенности в целом будут проявлять себя в различии между более и менее активными районами. В коммуникации между активистами и жителями это различие должно отражаться в технологиях и каналах коммуникации. В более активных районах роль организационных структур будет более явная и выпуклая, а взаимодействие с политическими структурами и участие в политическом процессе — более интенсивными.

Тематика мобилизации и особенности коммуникации между местными активистами, политиками и жителями

В интервью с информантами, представляющими районную активность в Москве, выпукло выявляется вариация в тематике мобилизации и коллективных действий. Одна из острых проблем для центральных районов Москвы — платные парковки и расширение территорий, на которых действуют правила платных парковок по решению мэрии (среди изучаемых районов это касается Раменок, Донского, Гагаринского, Щукино). Но платные парковки еще не дошли до отдаленных районов, и там среди острых проблем, вызывающих гражданскую мобилизацию, назывались экологические проблемы вроде чистоты воздуха, застройки лесопарковых территорий или капитального ремонта (среди изучаемых районов это Печатники и Косино-Ухтомское). Такое разделение отражает сложную устроенность населения Москвы, что выражается и в различности мобилизационных тематик.

...когда по большей части у людей затронуто что-то личное. Пришли и сломали их детскую площадку и решили на этом месте строить дом. Или что-нибудь поменьше. Взяли и какой-нибудь газон, на котором все гуляли, взяли и уничтожили. На его месте начали

что-то производить. Или вот такое более мелкое, но более системное, когда есть проблемы с реагентами зимой. Сыпят подряд везде. Или та же трава, которую косят тогда, когда косить не надо. В результате, она вообще не растет. Это уборка листвы, которая ведет к нарушению всех норм. Делают ее шумными воздуходувками и, вторых, делают там, где не надо, и органика от этого страдает (Инф. М).

Это застройка, благоустройство, проблемы с зелеными насаждениями. Деревья вырубают, неадекватное кронирование, уборка листвы, стрижка газонов. Также это проблемы с гаражами, что они повсеместно сносятся. Отсутствие парковочных мест. Проблема с ЖКХ, капремонтом (Инф. Г2).

Стоит также сказать, что базовые механизмы вовлечения в мобилизацию и коллективные действия универсальны вне зависимости от района: как правило, жители готовы вовлекаться, если осознают проблему как угрожающую их повседневному порядку вещей. Но там, где существуют устойчивые коммуникации между жителями, местными активистами и политиками, а также организационными структурами, там мобилизация более интенсивна вне зависимости от масштабности темы. Но наравне с этим в отдельных случаях могут возникать конфликты внутри районных сообществ из-за дефицита влияния на активное меньшинство жителей. Отдельные респонденты отмечали, что этими конфликтами может манипулировать и пользоваться исполнительная власть в лице районной управы, префектуры или правительства Москвы.

У нас есть как бы заместники мэрии Москвы — главы управ, которые их политическая позиция однозначна и задана априори самим методом формирования, и здесь конфликт он вечен и неустрашим. Есть те, которые находят общий язык с депутатами, но, в основном, они воспринимают как угрозы. Поэтому любые разногласия депутатов с жителями, инициативными группами они прямо выискивают и используют (Инф. Г2).

В отношении коммуникации между активистами, политиками и жителями районная вариация выражается несильно. Информанты отмечали, что если еще недавно базовой коммуникационной площадкой в Москве являлись общерайонные или тематические группы в «Фейсбуке», то сегодня почти везде значительная часть коммуникации перешла в мессендже-

ры — домовые чаты или тематические чаты уже сложившейся мобилизации. Муниципальные депутаты и некоторые активисты указывали в интервью, что для них важно состоять в таких чатах и иметь возможность оперативно реагировать на отдельные вопросы. Коммуникация в группах в социальных сетях или мессенджерах важна для формирования доверия внутри районного сообщества, более интенсивного обмена информацией и, следовательно, снижения транзакционных издержек для мобилизации и формирования коллективных действий. Равно как, прагматически замечали некоторые информанты, такая коммуникация является источником конфликтов и недопониманий между соседями. Но все информанты отмечали скорее достоинства онлайн-коммуникации, нежели их конфликтный потенциал.

Моя страница как моя площадка, где я публикую свои посты и свои мысли, и свои призывы. Следующая идет районные группы, это очень важный фактор. И они существуют в «Фейсбуке», «Вконтакте», «Одноклассниках». <... > Поэтому моя группа не является площадкой, я бы не хотел этого делать, все-таки там и моя жизнь личная, и моя работа. Для этого есть специальные районные группы либо тематические группы (Инф. Z)

Взаимодействие между жителями, активистами и муниципальными депутатами сильно различается в оценках. В одних районах сложилась практика интенсивной коммуникации и постоянных взаимодействий, в других — сложные отношения между муниципальными депутатами и неполитическими районными активистами. Пожалуй, самый уникальный пример здесь — Гагаринский район, в котором, даже если судить только по открытым источникам, проявляют себя очень высокая гражданская активность и вовлеченность жителей в публичную жизнь района, а также крайне интенсивная коммуникация и кооперация жителей с муниципальными депутатами. В соседних Раменках, напротив, взаимодействие местных политиков, активистов и жителей более сложное и конфликтное. В Гагаринском районе доверительная коммуникация связана с более эффективной мобилизацией и разнообразием коллективных действий, в Раменках конфликтная коммуникация объясняется сложностями в низовой мобилизации. В районах, где в целом менее интенсивная гражданская жизнь — Печатники и Косино-Ухтомское — почти любые коллективные действия жителей прямо связаны со сложившимися альянсами местных активистов и муниципальных депутатов, которые, как правило, и инициируют мобилизацию и коллективные действия.

Организационные и политические особенности активизма в районах Москвы

Низовая гражданская и политическая активность в районах Москвы полностью соответствует ожиданию роли и значения организационного фактора в интенсивности мобилизации и коллективных действий. Везде, где имеют место сложившиеся организационные структуры разных форм, мы можем наблюдать отличную от других районов гражданскую или политическую активность. Организационный фактор объединяет изучаемые районы, хотя он может принимать различные формы. Общим среди районной политической и гражданской активности будет то, что она основывается на волонтерских началах и не имеет какого-либо институционального финансирования. Но при этом в части изученных районов это не мешает воспроизводить плотные, интенсивные и профессиональные организационные структуры. Такое мы можем наблюдать в Печатниках, где действует Народный совет Печатников — объединение местных активистов и муниципальных депутатов, способных быстро развернуть необходимую мобилизацию жителей в случае какой-либо угрозы. В Раменках такой структурой является неполитическое экологическое объединение «Зеленые Раменки». В Гагаринском районе — оргструктура местного отделения «Яблока» и объединение местных активистов и жителей во главе с Еленой Русаковой. В Косино-Ухтомском — «Голос Косино-Ухтомского», структура, представляющая собой объединение жителей, активистов депутатов муниципального и городского уровней. В Щукино — оргструктура местного отделения КППФ.

Еще одно любопытное общее явление в части организационного фактора на районном уровне — напрямую артикулируемое нежелание представителей названных структур идти по пути формализации и регистрации объединения в виде некоммерческой организации. Показательной в этой части будет следующая цитата:

Этим надо заниматься, отчётности. Где-то, конечно, инструментарий полезный, потому что наличие юр. лица и счёта позволяет искать сторонние средства на эту активность. И с деньгами активность организуется лучше, чем без денег. Но, с другой стороны, мы наблюдаем, что сейчас происходит даже с самыми травоядными НКО. Может быть, это даже и к лучшему, что мы ничего не организовали (Инф. Т).

Различие изученных районов в части организационного фактора проявляется в политизации. В Щукино, Гагаринском, Печатниках, Косино-

Ухтомском наблюдаются районные структуры, которые представляют собой объединения активистов, сложившиеся на фоне выборов. Их задача — объединять жителей и транслировать это в виде политического представительства. В Раменках скорее обратный пример, когда устойчивая оргструктура сложилась на гражданских, но не политических основаниях, из-за чего, полагаю, коммуникация активистов с местными политиками мало эффективна.

Еще одной общей чертой почти для всех изученных случаев является разочарованность в организационных ресурсах политических партий.

...это очень слабая организация процесса во всех партиях. Я сотрудничала и с Яблоком, и с КПРФ, я везде посмотрела, попробовала. Очень слабая организация именно процессов, того, как происходит. <...> Никто ни к чему не готовится. Нет никакой поддержки, стратегии” (Инф. V).

В тех районах, где плотные и ресурсные организационные структуры сложились в партийном оформлении, скорее нужно говорить об использовании партийных брендов уже существующими активистскими структурами. Интересный пример в этом плане — Печатники, где активистское сообщество для участия в выборах выработало правило прагматичного сотрудничества с политическими партиями: чтобы усилить свое влияние в районе, сообществу нужны депутаты, а партии позволяют снизить некоторые организационные издержки в электоральном процессе.

В нашем районе невозможно выиграть выборы, если ты идешь красной командой, или яблочной командой, или просто командой активистов. В таком случае проиграют все, а выиграет «Единая Россия». <...> Если вы не договорились с коммунистами или яблочниками, вы проиграли. Поэтому у нас часть шла под флагом КПРФ, часть шла от «Яблока», никто не избрался, часть — самовыдвиженцами. <...> Только так можно выиграть в таком районе как наш (Инф. V2).

Стоит также отметить, что сбор интервью проводился летом-осенью 2021 г. и во многом застал районных активистов и политиков в момент предварительной подготовки для участия или неучастия в муниципальных выборах 2022 г. Это интересно дополняет мой исследовательский ракурс. Например, респондент — муниципальный депутат в Донском районе, который является оппозиционным депутатом в муниципальном совете и избирался в 2017 г. в одиночку, рассказал, что в течение этих пяти лет

собирает организационную структуру и команду, чтобы участвовать в выборах 2022 г. более широко и эффективно:

Я буду принимать участие, я буду собирать команду, потому что то, что происходит в Совете депутатов донского района — это из рук вон. <...> Да, я в 2022 году буду собирать большую сильную команду активистов, и мы будем идти на выборы всей командой, чтобы большинство было наше. Вот вам ответ и сразу политическое заявление» (Инф. Z)

Похожее мы наблюдаем и в Косино-Ухтомском, где вокруг оппозиционного депутата Московской городской думы уже после выборов 2019 г. из числа волонтеров избирательной кампании и местных активистов сложилась устойчивая организационная структура, которая ведет регулярную работу и собирается участвовать в муниципальных выборах 2022 г.

У нас есть депутат Московской городской думы <...>. Я являюсь его помощником на данный момент. Была мысль о том, что нужно как-то объединиться, потому что у нас есть группа неравнодушных жителей, которые хотели бы в том числе стать муниципальными депутатами в следующем году. Как-то собрались и решили под общим флагом действовать (Инф. M2).

Таким образом, мы видим прямым образом артикулируемое осознание и интерес районных активистов к формированию организационных структур для более эффективной, интенсивной и регулярной работы, а также для усиления своего политического влияния на местную или городскую политику.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что Москва на уровне своих районов и районных сообществ — полития, к которой применимы те теоретические модели, которыми оперирует политическая наука. Гражданская активность, интенсивность и плотность горизонтального общения и взаимодействий предельно связаны с организационными структурами: последние снижают транзакционные издержки, издержки на вход в коллективное действие, повышают доверие и др.

Также можно отметить, что плотность активистского сообщества, по оценкам респондентов, примерно одинакова по всем районам — деся-

ток человек на район, но это по-разному проявляет себя. В одних районах активность концентрируется на решении малых и часто неполитических вопросов, в других — малые проблемы являются трамплином для политизации и борьбы за депутатские мандаты в муниципальном совете или иных форм политического влияния через местный уровень власти.

Мое теоретическое ожидание в отношении различий между более и менее активными по дефолту районами скорее не оправдалось. Активистский фундамент, как отмечено выше, примерно равномерный, а организационные структуры там, где они плотные и регулярно действующие, различаются не организационными характеристиками, а по мобилизационному и ресурсному потенциалу и возможностям: в Гагаринском районе по призыву ядра активистов на защиту сквера может в момент выйти пара сотен местных жителей, в Косино-Ухтомском — десяток человек.

В отношении каналов коммуникаций ожидание также корректируется. Я не обнаружил принципиальных различий в технологическом плане во взаимодействия активистов, политиков и жителей в московских районах. Базовыми каналами выступают районные группы в социальных сетях и чаты в мессенджерах.

Исследование действительно подтверждает роль организационных структур в гражданской и политической мобилизации на местном/районном уровне. При этом интересно, что вариация в интенсивности мобилизации, по комментариям информантов, не связана со структурными условиями или даже уровнем активности района по дефолтной оценке. Создание районных организационных структур представляет собой почти обязательное и самоочевидное занятие для тех активистских групп или отдельных активистов, которые нацелены на долгосрочное присутствие в гражданско-политическом пространстве и системном влиянии на районную или общегородскую политическую жизнь в Москве. Наравне с этим регулярное и рутинное поддержание коммуникации активистов и политиков с местными жителями — это гарантия поддержки в случаях мобилизации как по неполитическим темам, так и по поводу выборов.

Полагаю, что потенциальными направлениями для развития этого исследования может стать более подробное изучение внутреннего устройства организационных структур в тех районах Москвы, где они имеют место быть, изучение практик принятия решений, выработки стратегий и тактик, практики поддержания активности и регулярной/рутинной работы. Такой ракурс позволит более детально разобраться в условиях более или менее успешной координации внутри таких организационных структур.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых — кандидатов наук (грант МК-328.2020.6).

Литература

Аверкиев И., Бедерсон В., Першакова Е. (2011) *Люди на пожарах. Экспресс-анализ по остывшим следам*. Пермь: Пермская гражданская палата.

Бедерсон В.Д., Логинов В.А. (2020) НКО в современной России: анализ участия в политических протестах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(4): 163–182.

Богданова Е. (2021) Коллективная стратегия решения проблем ЖКХ в условиях «старого соседства» в российском мегаполисе. Можно ли песок растворить в воде? *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 13(2): 72–100.

Вендина О.И. (2015) Московская идентичность и идентичность москвичей. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 5: 27–39.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010) *От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата.

Крикунов П.Г., Шкель С.Н. (2018) Протестная активность населения Республики Башкортостан в сравнительной перспективе. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 1: 39–54.

Патнэм Р. (1996) *Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem.

Полищук Л.И., Борисова Е.Н., Пересецкий А.А. (2010) Управление коллективной собственностью в российских городах: экономический анализ товариществ собственников жилья. *Вопросы экономики*, 11: 115–135.

Пономарев С.В. (2013) Краудсорсинг: административные, политические и гражданские практики в современной России. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4: 136–148.

Тыканова Е.В., Тенишева К.А. (2020) В плане «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 7–35.

Семенов А.В. (2019) Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. *Социологические исследования*, 12: 29–37.

Усачева О.А. (2012) Сети гражданской мобилизации. *Общественные науки и современность*, 6: 35–42.

Чернышева Л., Гизатуллина Э. (2021) «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 2: 39–71.

Dollbaum J.M. (2020) Protest trajectories in electoral authoritarianism: From Russia's "For Fair Elections" movement to Alexei Navalny's presidential campaign. *Post-Soviet Affairs*, 36(3): 192–210.

Henry L.A. (2011) *Red to green: environmental activism in post-Soviet Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

McCarthy J.D., Zald M.N. (1977) Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American journal of sociology*, 82(6): 1212–1241.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.). (1996) *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. Cambridge: Cambridge University Press.

Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: America's declining social capital*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

Reuter O.J., Robertson G.B. (2015) Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*, 77(1): 235–248.

Sampson R.J., McAdam D., MacIndoe H., Weffer-Elizondo S. (2005) Civil society reconsidered: The durable nature and community structure of collective civic action. *American journal of sociology*, 111(3): 673–714.

Shorter E., Tilly C. (1971) The shape of strikes in France, 1830–1960. *Comparative Studies in Society and History*, 13(1): 60–86.

Snyder D. (1975) Institutional setting and industrial conflict: Comparative analyses of France, Italy and the United States. *American Sociological Review*. 85(2): 259–278.

Snyder D., Kelly W.R. (1976) Industrial violence in Italy, 1878–1903. *American Journal of Sociology*. 82(1): 131–162.

Tilly C. (1978) *From Mobilization to Revolution*. N.Y.: McGraw-Hill.

AN INFLUENTIAL LIGHT OF MOSCOW WINDOWS: COMMUNICATION AND ORGANIZATIONAL FACTORS OF CIVIL AND POLITICAL ACTIVITY IN MOSCOW DISTRICTS

Vsevolod Bederson (vsbederson@gmail.com)

Perm State National Research University, Perm, Russia

Citation: Bederson V. (2022) Moskovskikh okon negasimyy svet: kommunikatsionnyye i organizatsionnyye faktory grazhdanskoj i politicheskoj aktivnosti v rayonakh Moskvy [An influential light of Moscow windows: communication and organizational factors of civil and political activity in Moscow districts]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(2): 158–175 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.7>

Abstract. This article presents the results of a qualitative study of civil and political activity at the district level in modern Moscow. The study is based on the theoretical

expectation that there is local variation in organizational forms, forms of communication, and intensity of civic and political mobilization in Moscow districts/municipalities. The research questions that the article tries to answer are: what role do communicative factors play, and what place do organizational factors (organizational structures and resource mobilization) occupy in the district civic and political activity? How do Moscow districts differ from each other based on these factors? The key research data is 17 semi-structured interviews with district civil and political activists, municipal deputies and representatives of non-profit organizations or grassroots civil associations. The research shows that Moscow, at the level of its districts and district communities, is a polity to which one can apply theoretical models of political science. Citizens are more active where they communicate and interact more horizontally, and organizational structures play the most important role in this: they reduce transaction costs, the costs of entering collective action, increase trust, etc. It is also noted that the density of the activist population as a whole is approximately the same according to estimates from respondents across all districts. In some districts, activity is concentrated on solving small and often non-political issues, in others, small problems are a springboard for politicization and struggle for deputy mandates in the municipal council or other forms of political influence through the local level of government.

Keywords: civic activism, elections, Moscow, organizational analysis.

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — candidates of science (grant MK-328.2020.6).

References

Averkiyev I., Bederson V., Pershakova Ye. (2011) *Lyudi na pozharakh. Ekspress-analiz po ostyvshim sledam* [People on fires. Express analysis of the cooled traces]. Perm: Permskaya grazhdanskaya palata (in Russian).

Bederson V.D., Loginov V.A. (2020) NKO v sovremennoy Rossii: analiz uchastiya v politicheskikh protestakh [NGOs in modern Russia: an analysis of participation in political protests]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(4): 163–182 (in Russian).

Bogdanova E. (2021) Kollektivnaya strategiya resheniya problem ZHKKH v usloviyakh «starogo sosedstva» v rossiyskom megapolise. *Mozhno li pesok rastvorit' v vode?* [A collective strategy for solving problems of housing and communal services in the conditions of the “old neighborhood” in the Russian metropolis. Can sand be dissolved in water?] *Laboratorium. Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium. Journal of Social Research], 13(2): 72–100 (in Russian).

Chernysheva L., Gizatullina E. (2021) «VKontakte» s sosedyami: cherty i praktiki gibridnogo sosedstvovaniya v bol'shom zhilom komplekse Sankt Peterburga [VKontakte with Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighborhood in a Large Residential Complex of St. Petersburg]. *Laboratorium: Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research], 2: 39–71 (in Russian).

Dollbaum J.M. (2020) Protest trajectories in electoral authoritarianism: From Russia's "For Fair Elections" movement to Alexei Navalny's presidential campaign. *Post-Soviet Affairs*, 36(3): 192–210.

Henry L.A. (2011) *Red to green: environmental activism in post-Soviet Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvateley k aktivistam: zarozhdayushchiyesya sotsial'nyye dvizheniya v sovremennoy Rossii* [From philistines to activists: emerging social movements in contemporary Russia]. Moscow: Tri kvadrata (in Russian).

Krikunov P.G., Shkel S.N. (2018) Protestnaya aktivnost' naseleniya Respubliki Bashkortostan v sravnitel'noy perspektive [Protest activity of the population of the Republic of Bashkortostan in a comparative perspective]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Perm University. Series: Political science], 1: 39–54 (in Russian).

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.). (1996) *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. Cambridge: Cambridge University Press.

McCarthy J.D., Zald M.N. (1977) Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American journal of sociology*, 82(6): 1212–1241.

Polishchuk L.I., Borisova Ye.N., Peresetskiy A.A. (2010) Upravleniye kollektivnoy sobstvennost'yu v rossiyskikh gorodakh: ekonomicheskyy analiz tovarishchestv sobstvennikov zhilya [Management of collective property in Russian cities: an economic analysis of homeowners' associations]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 11: 115–135 (in Russian).

Ponomarev S.V. (2013) Kraudsorsing: administrativnyye, politicheskiye i grazhdanskiye praktiki v sovremennoy Rossii [Crowdsourcing: administrative, political and civil practices in modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Perm University. Series: Political Science], 4: 136–148 (in Russian).

Putnam R. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work. Civil Traditions in Modern Italy]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: America's declining social capital*. New York: Palgrave Macmillan.

Reuter O.J., Robertson G.B. (2015) Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*, 77(1): 235–248.

Sampson R. J., McAdam D., MacIndoe H., Weffer-Elizondo S. (2005) Civil society reconsidered: The durable nature and community structure of collective civic action. *American journal of sociology*, 111(3): 673–714.

Semenov A.V. (2019) Kornyi travy: patterny nizovoy gorodskoy mobilizatsii v Rossii [Grass Roots: Patterns of Grassroots Urban Mobilization in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 12: 29–37 (in Russian).

Shorter E., Tilly C. (1971) The shape of strikes in France, 1830–1960. *Comparative Studies in Society and History*, 13(1): 60–86.

Snyder D. (1975) Institutional setting and industrial conflict: Comparative analyses of France, Italy and the United States. *American Sociological Review*, 85(2): 259–278.

Snyder D., Kelly W.R. (1976) Industrial violence in Italy, 1878–1903. *American Journal of Sociology*, 82 (1): 131–162.

Tilly C. (1978) *From Mobilization to Revolution*. New York: McGraw-Hill.

Tykanova Ye.V., Tenisheva K.A. (2020) V plane “effekta sosedstva”: sotsial’nyy kapital i aktivizm v novykh anklavnykh zhilishchnykh kompleksakh [In terms of the “neighborhood effect”: social capital and activism in new enclave housing complexes]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2): 7–35 (in Russian).

Usacheva O.A. (2012) Seti grazhdanskoy mobilizatsii [Civil mobilization networks]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Modernity], 6: 35–42 (in Russian).

Vendina O.I. (2015) Moskovskaya identichnost’ i identichnost’ moskvichey [Moscow identity and the identity of Muscovites]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic Series], 5: 27–39 (in Russian).